

С. БОРИСОВ

БАГРАТИОН

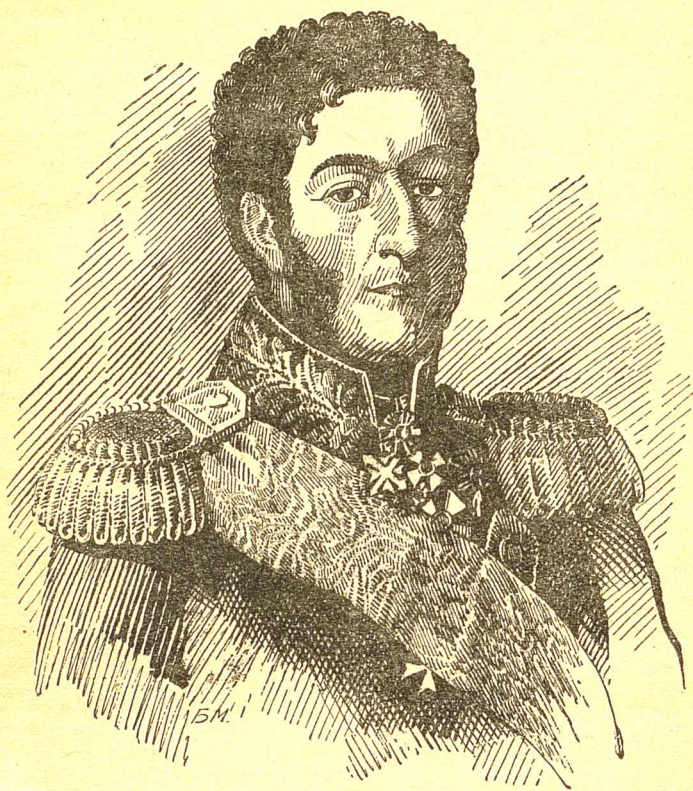
*Государственное военное издательство
Наркомата Обороны Союза ССР*

Москва — 1938

С. Борисов. Багратион.

В кратком очерке рассказано о жизни и героической деятельности одного из наиболее славных русских полководцев — Багратиона.

Книга предназначена для курсантов военных училищ, красноармейцев, командного и начальствующего состава РККА и лиц, интересующихся военной историей.

Солдаты называли Багратиона:

— Орел.

Это был один из немногочисленных полководцев далекого прошлого, которого любила солдатская масса. В то жестокое время — в царствование «курносого злодея» Павла I — военачальники вколачивали «преданность» солдатской массе фухтелями и шпицрутенами¹. Багратион не был демократом; он даже не задумывался над порочностью существовавшего строя, но он не был крепостником, любил народ, с которым делил невзгоды и опасности походов, и любил Россию. Царская Россия вела тогда грабительские, захватнические войны. Но солдатская масса, которой внушали, что она в этих войнах защищает родную землю, не знала этого; она мужественно боролась на полях сражений, отстаивая целостность и независимость своей страны; русская армия показала себя в этих войнах, как грозная и непобедимая сила. Мощь и высокое военное искусство русской армии были созданы русскими солдатами и выдающимися полководцами того времени, среди которых Багратиону принадлежит одно из первых мест.

Петр Иванович Багратион был грузином по происхождению. Это сказалось на его внешности: он был среднего роста, худощавый, мускулистый брюнет с типичным грузинским лицом. Знавший его Ф. Глинка рассказывает: «Не спрашивая, можно было догадаться при первом взгляде на его физиономию, что род его происходит из какой-нибудь области Грузии». Спокойный, несловоохотливый, сдержанный, с некоторой восточной медлительностью в манерах, Багратион в гневе был несдержан и по отношению к врагам неукротим и страстен. Бесстрашие и беспредельная храбрость были наиболее характерными чертами его.

¹ Немецкие названия палок, которыми били солдат.

Багратион был великим мастером наступательного боя. «На него находили минуты вдохновения, — рассказывает о нем очевидец. — Огонь сражения зажигал что-то в душе его... Глаза его сияли; он командовал, и в бурке, с нагайкой в руке, на простом донце неся он, опережая колонны, чтобы из начальствующего генерала стать простым передовым воином...»

Багратион, будучи одним из наиболее способных учеников Суворова, твердо помнил его следующий наказ: «Истинное правило военного искусства — прямо напасть на противника с самой чувствительной для него стороны, а не сходитья, робко пробираясь окольными дорогами, через что самая атака делается многосложною, тогда как дело может быть решено только прямым смелым наступлением». Багратион обладал для этого необходимыми качествами: железным упорством и тактическим глазомером, которые он развил в себе на полях сражений.

Имя Багратиона было популярно в русском народе. В собранных Ровинским русских народных картинках имеется изображение Суворова и Багратиона на конях, лицом друг к другу. Под картинкой подпись:

Еще при мне бросать ты громы научился
И лавры смело пожинал,
Ко славе ревностно стремился,
И я наперстником тебя избрал.

Далее в стихотворении Багратион приглашается быть преемником Суворова.

Храбрость Багратиона была легендарна. Он брался за самые рискованные операции и часто своей храбростью исправлял ошибки других. Там, где грозила явная гибель, появлялся этот удивительный человек, и русские солдаты под его руководством совершали чудеса. Багратион всегда находился на самых опасных местах боя. Это видели и ценили солдаты и любили его так, как они любили Суворова и Кутузова. Служить под началом Багратиона было почетно, но и опасно, — багратионовы адъютанты считались обреченными людьми.

Наполеон, который в течение многих лет посылал против Багратиона своих лучших маршалов, отдал ему должное:

— Багратион — лучший генерал русской армии.

Но у Багратиона был один недостаток, который по-

мешал ему превратиться в полководца такого ранга, как Суворов и Кутузов. У него не было большого военного образования. Он не был стратегом. «Высшие соображения войны ему не вполне были доступны», — писал о нем военный историк прошлого столетия; но тот же историк признавал, что на поле боя Багратион был «лев, не знавший ни опасности, ни страха».

Близко знавший Багратиона ген. Ермолов заметил:

— Если бы Багратион имел ту же степень образованности, как Барклай де-Толли, то едва ли бы сей последний имел место в сравнении с ним.

О личной жизни Багратиона мало что известно. И не удивительно: он чаще находился у бивуачного костра, нежели под кровлей. В походах он был весьма неприхотлив. Сон Багратиона был краток, спал он три, много четыре часа в сутки. На войне, в походе и дома, в периоды между войнами, Багратион одинаково вел жизнь умеренную и простую. Знавшие его близко передавали, что его и днем и ночью всегда можно было застать одетым.

На войне у Багратиона было больше успехов, чем в личной жизни.

Любимец Суворова и друг Кутузова, он ничего общего не имел с распространенной тогда породой свитских генералов и флигель-адъютантов, которые военную карьеру делали на дворцовом паркете.

Военная служба Багратиона началась в 1782 году. Ему было 17 лет, когда его зачислили сержантом в мушкетный полк на Кавказе. Вскоре же, в одной из стычек, Багратион был тяжело ранен и брошен на поле сражения. Его нашли горцы среди раненых и убитых. Он был опознан ими и после оказанной помощи отправлен к русским. Горцы это сделали в знак признательности к отцу Багратиона.

Так началась боевая жизнь Багратиона. Она была крайне разнообразна и невероятно тяжела. Багратион участвовал в 20 походах и 150 сражениях.

Славу храбреца он пронес от стен Очакова, через горы Италии и вершины Альп до Бородинского поля, где французская граната поставила кровавую точку в его биографии.

В нашем кратком биографическом очерке мы расскажем лишь об основных этапах боевого пути Багратиона.

Вторжение наполеоновских войск в Европу заставило русскую дипломатию пристально следить за действиями французского завоевателя. Царское правительство опасалось агрессивных выступлений со стороны Польши и Турции, а «революционная» репутация Наполеона действовала устрашающе на русское дворянство. Павел I решил двинуть русские войска против Наполеона. Официальным поводом войны явилось стремление «принудить Францию войти в прежние границы и тем восстановить в Европе прочный мир и политическое равновесие».

К началу кампании 1799 года французы, несмотря на то, что их было меньше, успели значительно потрепать австрийцев — ненадежных союзников царского правительства.

В Италию, оккупированную французами, двинулись русские войска под командованием Суворова. На них была возложена задача освободить Италию от французских войск, угрожавших Австрии. И хотя неудачные реформы Павла I успели причинить русским вооруженным силам немало вреда, но тем не менее русская армия по своей боевой подготовленности не уступала лучшим западно-европейским. А природные высокие качества русского солдата, его выносливость, отвага и умение принаровляться к различным условиям создавали ей превосходство перед наемными войсками Западной Европы. Во главе армии был поставлен ее гениальный руководитель Суворов.

Русская армия, участвовавшая в Итальянском походе, стояла лагерем в Вероне, когда туда прибыл Суворов. Командовавший авангардом Розенберг представлял Суворову русских начальников.

Суворов всем кланялся и тем, кого не знал, коротко говорил:

— Не слышал, познакомимся.

Когда очередь дошла до Багратиона, он живо обернулся к нему:

— Князь Петр? — воскликнул он. — Помнишь под Очаковым с турками? В Польше?..

И Суворов бросился целовать Багратиона.

— Помнишь наши походы? — продолжал он свои расспросы.

Обрадованный вниманием знаменитого полководца, Багратион кратко ответил:

— Помню и никогда не забуду.

Познакомившись с представленными ему генералами, Суворов начал разъяснять им свои заповеди боя. Основное — быстрота, натиск. Уменье разбираться в любой обстановке. Бить врага, а не занимать местность. Не ждать отстающего.

— Жителей не обижать, просящего пощады — пощадить, — закончил он свои наставления.

Полки русского авангарда готовились к выступлению. Все знали, что с приездом Суворова начнутся жаркие дела. Это понимали все, от генерала до солдата.

На следующий день Багратион первым доложил Суворову, что его полк готов.

— Ты понял меня? — спросил его Суворов. — Ну так иди.

Перед отправлением из Вероны отряд получил от Суворова наказ:

— Неприятеля везде атаковать.

Австрийские генералы усмехались на это и в недоумении пожимали плечами.

— Разве это тактика?

Но для Багратиона наказ Суворова был понятен и близок. Он требовал постоянной инициативы от своих войск. Он навязывал противнику свою волю.

Вскоре по знойным улицам Вероны, четко отбивая походный шаг, потянулись одна за другой роты Багратиона. К ярко голубому итальянскому небу взвилась походная русская песня.

По дороге к 6-му егерскому полку Багратиона присоединились три сводных гренадерских батальона, два полка донских казаков и артиллерия. Этот отряд в два с половиной дня прошел 105 верст и прямо с похода вступил в бой с авангардом французов.

Багратион штурмом захватил цитадель гор. Брешии, атаковал и занял гор. Лекко. При захвате последнего пункта Багратион был ранен в ногу, но остался в строю.

Суворов спешил навстречу главным силам противника. Жара, дурные дороги, изнурение людей — ничто не могло остановить русские войска в этом беспрецедентном марше. Австрийцы, привыкшие к тому, чтобы их постоянно били, не поспевали за русской армией.

Австрийские генералы за спиной Суворова негодовали:

— Выживший из ума старик! Неужели он воображает, что разобьет французов? Для этой победы нет никаких шансов.

Командующий австрийской армией генерал Мелас подъехал к Суворову.

— В случае неудачи, куда мне отступать? — спросил он у него.

— За Треббью, в Пиаченцу, — указал ему Суворов вперед.

Французы подошли к реке Тидоне. Французский командующий Макдональд спешил предупредить Суворова и бросился на австрийцев в надежде смять их до прихода русских. Австрийцы стали отступать.

Суворову доносят:

— Макдональд за Тидоной.

День был безветренный, жаркий. Пороховой дым удушливым облаком висел над землей. Войска мучила жажда. Положение австрийцев с каждым часом ухудшалось.

Суворов подозвал Багратиона:

— В атаку! — показал он ему в сторону Тидоны.

Бросавшийся всегда без рассуждения в огонь, Багратион на этот раз заколебался, получив такое приказание. Посмотрев на почерневшие лица солдат, дышавших открытыми ртами, он обратился к Суворову:

— Войска страшно утомлены. Не лучше ли повременить с атакой. У нас в ротах нет и по сорок человек.

Фельдмаршал устало, но твердо ответил:

— Атакуй. У Макдональда нет и столько.

Между тем у французов было 19 тысяч, у русских только 14.

Началась атака.

Французы были изумлены при виде приближавшихся к ним русских войск.

Макдональд, зная о своем численном превосходстве, уверенно бросал свои части в штыковые атаки. Но как лава, оцетинившаяся сверкавшими на солнце штыками, катились русские им навстречу, и французы вынуждены были податься назад.

Неприятель отходил. Русские продолжали свое движение вперед, несмотря на неудобство позиции, на которой должно было неизбежно произойти кровопролитное сражение. Высохшие глубокие канавы, плотины на ручьях, изгороди, виноградники — все это крайне стесняло движение.

Все чаще падали солдаты, сраженные солнечным ударом. Все труднее было продвижение вперед. Макдональд приказал польской дивизии Домбровского, действовавшей вместе с французами, принять атаку русских. Багратион атаковал польскую дивизию.

Подобно волне покатались багратионовские «чудобогатыри» навстречу полякам. Завязался кровопролитный бой, в результате которого поляки отступили, оставив на раскаленной земле значительную часть своих солдат.

Суворов, опасаясь как бы небывалая жара не погубила отряда Багратиона, отдал приказ остановиться.

Настал вечер. Бой затих. Противников разделяла река Трещья. На обоих ее берегах запылали костры. Люди наслаждались прохладой, варили себе кашу и без конца пили воду, стараясь вознаградить себя за день жажды. Но июньская ночь коротка. Утром вновь начался бой. Суворов снова приказал Багратиону атаковать французов. Но они предупредили атаку и неожиданно двумя дивизиями набросились на Багратиона. Необходимо было отступить, чтобы не быть окончательно разгромленными.

«Происходило настоящее суворовское отступление. Русские войска, незнакомые с ретиродами, отстаивали каждую пядь земли, переходили в наступление, бросались в штыки, встречали неприятеля огнем чуть ли не в упор. Один гренадерский полк был охвачен неприятелем со всех сторон. Развернув шеренгу лицом к нападающим, он отстреливался и с фронта, и с тыла одновременно. Французы ничего не могли с ним сделать; он не давался в руки и спас себя сам благодаря своей

неустранимости и суворовской закалке. Бой пяти батальонов против пятнадцати был, однако, слишком неравен...» (Петрушевский.)

Багратион, которого не удивил трудным боем, почувствовал, что ему не сдержать напора Макдональда.

«Люди мои, — рассказывал он впоследствии, — до высочайшей степени ослабели в силах; число их уменьшалось каждую минуту от непрерывного огня. Жар в воздухе был ужасный. Последний запас моих grenадер пустил я в бой; ружья худо стреляли; замки и полки у ружей зашкелелись накипом от пороха».

Багратион отправился к Суворову с докладом о своем тяжелом положении.

— Что, Петр? Как?

— Худо... Силы убыли...

Суворов вскочил на лошадь и понесся с Багратионом к месту боя. Прибыв туда и быстро оценив обстановку, фельдмаршал сказал:

— Ударим... Прогоним...

Багратион повел свои части в атаку. Макдональд в ответ на нее собрал свой последний резерв и ввел его в бой. Свежие войска французов теснили измученные многодневным боем русские поредевшие полки. Но Суворов, со свойственной ему настойчивостью, снова приказал Багратиону:

— Вперед!

Багратион вновь пошел в атаку. Это было страшное усилие русских солдат. И Макдональд не выдержал. Французы были опрокинуты. Но для Суворова этого было мало. Он приказал преследовать противника «доколе истреблен не будет».

Макдональд, раненый и разбитый нравственно, уступил командование молодому и способному Жуберу. На военном совете Жубер решает перейти в наступление.

Суворов ждет выхода Жубера на равнину.

В первых числах августа французы были уже у Нови. Они занимали отроги Апеннин между долинами рр. Скривица и Обра. Пересеченная местность и каменная стена вокруг города создали французам все удобства для упорной обороны города.

Жубер медлил с выходом на равнину.

Недолго войска отдыхали. Суворов отдал приказ бить неприятеля в горах.

Наступление началось 4 августа на рассвете. Первые

стычки произошли на флангах. И в первой же атаке был убит Жубер.

Багратион получил приказ взять Нови. Но французы отбили все атаки. Багратион тогда повел войска прямо на Нови, чтобы взять город лобовым ударом.

Французы, засевшие в канавах, виноградниках, встретили русских потоком свинца. Багратион, идя в первых рядах, воодушевлял своих солдат и подвел их к стенам города. Стена была прочная и не поддавалась направленным в нее ядрам. Французская картечь свистала над головами наступавших. Багратион под огнем французов привел расстроившиеся войска в порядок и, приказав бить в барабаны, повел их в новую атаку. Французы вышли из города и ударили в левый фланг атакующих. Войска Багратиона, которые были малочисленны, стали отходить. Неожиданно, на том же левом фланге их, показалась свежая, прибывшая из резерва неприятельская колонна. Русские ударили по этой колонне и отбили ее атаку. Но в это время на правом фланге Багратиона появилась неприятельская бригада Гардана...

Гибель отряда Багратиона казалась неизбежной. Но он ждал подкреплений и хладнокровно продолжал бой. «Линия русских войск, подкрепленная свежими частями, в порядке, как на мирных маневрах, двинулась вперед с барабанным боем...» (Петрушевский).

Багратион любил держать порядок даже в самом жестоком бою. Он знал, что стройно идущие в атаку войска дерутся крепче. Багратион был исправным суворовским учеником и хорошо постиг его искусство встречного боя. Но Багратион понимал и другое правило, вытекавшее из суворовской «науки побеждать», — победа одним лобовым ударом не одерживается, требуется маневренность.

И Багратион продолжал свой натиск на Нови, стараясь охватить противника.

Французы, отброшенные к высотам Нови, укрепились на них. Они были атакованы русскими. Три атаки, следовавшие одна за другой, оказались безрезультатными, и Суворов приказал их прекратить. Через три часа бой возобновился и доставил победу русским войскам. «Сражение у Нови до сих пор было мало изучено и односторонне освещено. Между тем это высокий образец военного искусства, более Аустерлица,

прообраз новейших боев чуть не на 100 лет вперед», — так отзывались об этом бое позднейшие историки XIX века.

Сражением у Нови и закончилась итальянская кампания. Последствия победы при Нови были огромны: французские войска очистили Италию. Но австрийцы, испугавшись победы русских, решили вероломно отделаться от своих союзников.

По их замыслу, русская армия из Италии должна была перейти в Швейцарию, где в это время положение русско-австрийских сил было весьма угрожающим.

Русские войска, покинув Италию и направляясь на север, в Швейцарию, подошли к подножьям Альп.

Суворов не знал условий перехода через Альпы и доверился опытности австрийцев. Существовало три пути в Швейцарию: два из них были легкими, третий, почти неприступный, лежал через Сен-Готард. Кроме того, он находился под наблюдением французов. Австрийцы указали Суворову на этот путь. Его горячо рекомендовал им и Вейротер — будущий военный советник Александра I при Аустерлице. В довершение всего русские войска были снабжены неверными «ландкартами» и неопытными проводниками.

10 сентября 1799 года начался исторический поход русских войск через Швейцарию.

Багратион шел в авангарде.

Условия вождения авангардного отряда в горных условиях представляют особые трудности. Авангарду Багратиона приходилось все время вести встречные бои, причем неприятель отнюдь не желал уступать инициативы русским. Багратиону все время приходилось решать трудную задачу прокладывания пути в горах русской армии; сильные естественные препятствия местами были почти непреодолимыми. Эту задачу нужно было решать исключительно мужеством и выносливостью бойцов, ибо возможностей маневрирования почти не было. И велико было изумление всего мира, когда русские солдаты, жители равнинных пространств необъятной России, впервые в своей жизни попав в горы, показали не только упорство и выносливость, но и особую сноровку в преодолении горных препятствий, присущую только жителям гор.

Войска шли и днем и ночью.

Третий день перехода. Поднялся туман. Впереди, в пяти шагах, ничего не видно. Дождь и снег чередуются один за другим. Порывы резкого ветра сбивают

с ног. Солдаты мокнут и стынут под холодным дождем.

Команда Багратиона:

— Стой! С плеча!

Солдаты ставят мушкеты к ноге. Располагаются bivаком. Разводят костры. Кто-то нашел пещеру, забрался туда, воткнул штык в землю, приладил на штык свечу и при ее мерцающем свете чинит сапог. У костров вскоре раздалась песня. Слова гулко звучат в каменном ущелье. Звонкое эхо разносит их по горам.

Ах, что-ж это в поле за травушка,
В чистом-то поле за муравушка.
Не цветешь ты, трава, только вянешь...

Багратион в это время думал о своем детстве, о приветливых горах родной Грузии. Темное небо над Альпами сливается с вершинами гор. Темнеет. Вестовой приносит кофе. Багратион пьет обжигающий черный густой напиток и между глотками делает глубокие затяжки из трубки. Хочется спать. Не раздеваясь, прислонившись к обломку скалы, он кутается в бурку и в мгновение глубоко засыпает.

Начинающийся рассвет первым будит Багратиона.

— Короткий завтрак и в поход, — отдает он приказание.

В ротах раздается команда:

— К ружью!

Отряд выступил. Скалы, узкие тропинки, прилепившиеся к краям пропастей, то подымались, и тогда солдаты карабкались кверху, то круто шли вниз, и тогда солдаты скользили по камням книзу, часто срываясь с них и падая в пропасть.

Багратион идет впереди. Солдаты с тревогой наблюдают за ним, как он припадает на левую раненую ногу. Своих ран как следует, до конца, Багратиону никогда не удавалось вылечить.

Утром назначена атака Сен-Готарда, где засели французы, преградившие путь русским. Суворов разделил войска, назначенные в атаку, на три колонны. Правая колонна состояла из авангарда Багратиона. «Утро встало пасмурное, мглистое; дождь перестал, но густые облака ложились по ребрам гор. Продвинувшись от Дацио вперед, войска согласно диспозиции разошлись в разные стороны; князь Багратион взял вправо и стал

взбираться на кручи... Французы, мастерски пользуясь оврагами, скалами, камнями, производили губительный огонь, и хотя две первые русские колонны своим обходным движением заставили их перейти в отступление, однако, они не раз еще останавливались на выгодных позициях и давали отпор, прежде чем поднялись на самую вершину горы...

А Багратион все не показывался на фланге. Войска его, карабкавшиеся по утесам и стремнинам, без всяких тропинок, изнемогая от усталости, тратили много сил, но подвигались вперед мало. Вершина горы перед ними все как будто вырастала и уходила вдаль или совершенно застилалась облаками, которые охватывали войска густым туманом. Люди помогали друг другу, подсаживали один другого, упирались штыками, прибежали к разным уловкам, а дело все плохо спорилось, и без конца тянулись эти грозные, недосыгаемые выси... День между тем склонялся к вечеру» (Петрушевский).

Суворов начал тревожиться за судьбу отряда Розенберга (это была треть всей армии), который пошел в обход и должен был нанести главный удар. Штурм Сен-Готарда откладывать было нельзя, и фельдмаршал отдал приказ. Прохот ружейных выстрелов был подобен пушечным. Французы, в тылу которых высилась сияющая снежной вершиной гора, чувствовали себя в безопасности и держали русские войска все время под огнем. Но неожиданно на снежной вершине показались люди. Они спешили вниз и их опережали срывающиеся снежные глыбы. Это был Багратион со своим отрядом. Неприятель, ошеломленный появлением у себя в тылу русских, быстро оставил свои позиции.

Сен-Готард был занят, и Розенберг только после этого присоединился к главным силам.

После знаменитого боя у Чортова моста русские, заняв Альторф, двинулись через Роспитокский хребет. Поход начался 16 сентября. В авангарде шествовал Багратион. Во время похода пришла тревожная весть, что корпус Корсакова и отряд Готце разбиты Мюссеной, и французы, заняв Гларис, стягивают войска к Швицу.

Ко всему этому началось новое бедствие — голод. Забота о снабжении войск лежала на австрийском правительстве. Но оно снабжало русских крайне плохо.

Хлеб был из крупно смолотой муки разного зерна, полукислый; мягкий, он уже крошился в крупу, о черством нечего и говорить; к тому же он был несоленый и не имел никакого вкуса. Говядина отпускалась от больных и старых животных; часто давали жесткую ослятину. Войска трудными переходами и недоеданием были крайне изнурены. Багратион вынужден был давать своему отряду частые привалы. На одном из них он, сидя на барабане, курил трубку. Подъехал штабной офицер и стал рассказывать, насколько двулично и лживо держат себя австрийцы. Их маршал Тугута явно ведет русские войска к гибели.

Багратион не выдержал. Зажав в кулак чубук, он вскочил с барабана и начал быстро ходить, забыв о боли в ноге.

— Из-за этой сволочи, — гневно обрушился он по адресу австрийского командования, — погубить тысячи русских ратников! Так нет же! Этого не будет!

Двинулись дальше.

Багратион со своим отрядом спускался в долину Мутенталь.

Шли по снежным хребтам гор, окутанных облаками. Долина внизу была скрыта туманом. Горная тишина казалась предательской и действовала на солдат угнетающе.

Кто-то в отряде запел:

На горах-то горах
Было высоких,
Во лесах, лесах-то было
Лесах темных.
Пролегала путь дороженька...

Но голос певца неожиданно был заглушен грохотом: из-под ног солдат вырвались снежные глыбы и, сбивая по пути обломки скал, полетели вниз. Спуск оказался трудным и опасным. Но вот снег кончился. Ноги скользили по мокрым камням. Моросил дождь. По краям тропинки зияли трещины, пропасти. Внизу гулко шумели ручьи.

Переход был мучительный: ноги у всех изранены, обуви не было даже у офицеров. Вечером, наконец, спустились в долину и здесь наткнулись на передовой пост французов. Багратион приказал окружить его и взять в плен. Лихой атакой передовых рот задача командующего была выполнена.

На следующий день Багратиона вызвал Суворов.

Фельдмаршала он застал быстро ходящим из угла в угол по комнате. Он не обратил внимания на бывшего Багратиона и резко выкрикивал:

— Парады!.. Разводы!..

Багратион стоял в стороне и ждал, когда старик успокоится, но он еще больше расходился.

— А битому быть? Не мудрено. Погубить столько тысяч, и каких! И в один день!

Прибыли начальники остальных отрядов.

Суворов остановился и, словно преобразившись, грозно обратился к командирам:

— Корсаков разбит и прогнан за Цюрих. Готце пропал без вести, и корпус его рассеян. Прочие австрийские войска, шедшие для соединения с нами, опрокинуты и прогнаны...

Суворов рассказал об измене австрийского командования, возглавляемого бароном Тугутом, который намеренно лишил русскую армию снарядов и продовольствия и поставил ее в безвыходное положение в горах.

— Теперь идти нам на Швиц невозможно. У Массены свыше шестидесяти тысяч войск, а у нас нет полных и двадцати. Ийти назад — стыд. Это значило бы отступать, а мы, русские, никогда не отступаем. Мы окружены горами. У нас осталось мало сухарей, а менее того боевых артиллерийских зарядов и ружейных патронов...

Суворов говорил быстро, отрывисто. Изредка он останавливался, чтобы перевести дух, но в продолжение всей речи в его глазах не переставал сверкать огонь. Начальники слушали насупившись. Багратион стоял прямо; он не мигая смотрел на Суворова.

— Мы будем окружены врагом сильным, — продолжал Суворов, — возгордившимся победой, достигнутою коварною изменой... Помощи нам ждать не от кого...

Начальники молчали.

И в заключение Суворов указал, что осталась одна надежда:

— Нам предстоят труды величайшие, небывалые в мире, но я надеюсь на величайшую храбрость и величайшее самопожертвование войск.

Суворов не стал спрашивать мнения начальников. Положение было обрисовано ясно. И выход из него

был один—итти вперед. Суворов стал диктовать диспозицию.

Багратион понимал, что одно дело быть побежденным в бою неприятелем, превосходным по числу или храбрости, но пасть как жертва трусливой измены—никогда!

Войска выступили, согласно диспозиции, 18 сентября.

В армии Суворова еще оставались небольшие австрийские части. На открытый разрыв с союзником Вена не решалась. Ссориться с Россией было опасно, тем более, что русская армия была под носом и представляла немалую силу.

Австрийская часть под командой Ауфенберга, двигавшаяся вместе с русскими, сбила с горы Брегель неприятельские посты и дошла до Кленталя, где около озера остановилась на ночлег. Французский отряд Молитара атаковал австрийцев и предложил им сдаться. Ауфенберг начал переговоры о сдаче. Но, как всегда, неожиданно появился здесь Багратион. Он провел войска по болоту, через перелесок и, перебравшись через горы, внезапно появился на левом фланге французского отряда. С криком «ура» русские бросились в штыки. Французы отступили. Багратион преследовал французов. Шли по узкой тропинке, где с трудом могли итти лишь два человека. Дорога часто преграждалась обломками скал и деревьями, поваленными бурей. Ночь остановила преследование.

В Гларисе, куда шли русские, решено было отдохнуть и подкормиться. Накануне были розданы последние сухари.

Но дорогу к Гларису преграждал французский отряд Молитара. После упорных атак Багратион выбил Молитара из стоявшей на пути к Гларису деревни, захватил пушку, знамя и 300 пленных. Молитар отступил к Нефельсу, где занял выгодную позицию, которую Багратион долго и упорно атаковывал. Но упорство русских победило. Багратион занял деревни Нефельс и Молис. Опять были захвачены трофеи: две пушки, знамя и сотня пленных.

Пять дней шли бои на подступах к Гларису.

«Перед городом Гларисом,— рассказывает участник похода,— неприятель сделал последнее усилие; он занял место перед тесниною. С одной стороны высочай-

ший, непроходимый гребень гор; с другой — озеро и топь; в середине — узенький путь, который почти был прегражден к озеру острым, косым углом горы».

Карты, данные австрийцами, оказались неправильными, и к Гларису шли наугад. Офицеры нашли проводника-швейцарца и привели его к Багратиону.

Указывая на мрачное ущелье в горах, Багратион спросил проводника:

— Можно из этой теснины выйти к Гларису?

Проводник ответил:

— Скалы слева с большим трудом перелезть можно; справа обойти озеро также можно, но этот путь далекий и очень трудный — топь. Теперь же холодно...

Багратион решил испытать оба пути — через скалы и через топь — и послал по одному батальону на каждый путь.

Батальоны прошли и оказались в тылу французов.

Багратион выполнил приказ Суворова выйти в Гларис. Но его отряд нашел в Гларисе лишь немного сахара и по фунту сыра на человека.

Надежды, которые возлагал на Гларис Суворов, обманули его. Помощь австрийцев не пришла.

После поражения Корсакова и оставления австрийскими войсками своих союзников положение маленькой суворовской армии казалось безнадежным: всей массой с юга-запада двигался на нее Массена, стараясь запереть ее и раздавить в ущельях.

Арьергард в этом случае приобретал исключительное значение: арьергарду нужно было принять на себя всю тяжесть яростных ударов противника, чтобы, не дав себя разгромить, спасти армию.

Требовалось холодное мужество и непреклонная решимость, чтобы своими штыками прикрыть уходящую к северу армию.

Суворов, хорошо разбиравшийся в боевых качествах своих генералов, командование арьергардом, от которого зависела судьба его армии, мог поручить только Багратиону. Только он соединял в себе нужные бесстрашие и упорство, только ему беспредельно доверяли солдаты, готовые под его руководством на любой подвиг.

Поход начался ночью с 23 на 24 сентября. В арьергарде шел отряд Багратиона. На следующий же день ему пришлось принять бой с наседавшим неприятелем.

5 000 французских солдат напали на 2 000 солдат отряда Багратиона. Долго шел этот неравный бой, — пока суворовская армия уходила из гор. Сами французы потом признавались, что «русские дрались как отчаянные и, расстреляв все патроны, штыками осадили неприятеля...»

Швейцарский поход окончился.

Багратион приехал в Петербург. Его встретили слава, друзья. Но петербургский «свет» не манил сурового солдата, лучше чувствовавшего себя в походе, среди опасностей боя, чем на лощеных паркетах великосветских гостиных.

Багратион вскоре покидает Петербург и вновь отправляется в армию.

IV

В походах 1805—1807 гг. против Наполеона мы вновь видим Багратиона на самых опасных участках в армии, неизменным командующим то авангарда, то аррьергарда, смотря по тому, наступала армия или делала отход. Багратиону приходилось или первому наносить удары или первому принимать удары противника. И снова мы видим то же упорство в достижении намеченной цели, ту же багратионову храбрость, какую мы отмечали в нем в итальянском и швейцарском походах.

Шла осень 1805 года. В Австрии, где в это время происходили боевые действия, осень в том году была особо дождливой. Русская армия под командованием Кутузова после боя под Кремсом уходила от превосходящих по численности войск Наполеона к Браунау.

Наполеон, которому не удалось уничтожить русскую армию под Кремсом, построил новый план разгрома Кутузова. По его приказу, кавалерия Мюрата, корпуса Сульта и Ланна и гренадеры Удино должны были занять Вену и, направившись к Цнайму, отрезать Кутузову путь к отступлению.

Кутузов, разгадав замысел Наполеона, приказал армии немедленно отступить от Кремса. Выделив 8 тысяч солдат под командование Багратиона, он поставил ему задачу задержать во что бы то ни стало всю массу французских войск.

Кутузов не скрывал от Багратиона, что ему придется пожертвовать всем отрядом до последнего солдата. С самим Багратионом Кутузов простился как с человеком, обреченным на смерть.

— Постою. Не выдам, — был краткий ответ Багратиона.

Багратион и каждый солдат его отряда понимали, что от их мужества и готовности к самопожертвованию зависит судьба всей армии. Высокое чувство вза-

имной выручки, которое так прекрасно развито в русском солдате, делало излишним всякие патетические приказы, которыми любил Наполеон подогреть дух своих войск.

Русские войска шли по размытым дорогам. Конница Мюрата и гренадеры Удино преследовали Багратиона по пятам. С трудом добрались до Голлабуна. Позиция для обороны оказалась неудобной. Отступили за Шенграбен и перешли ручей. В отряд Багратиона входили австрийские войска графа Ностица, которые составляли авангард багратионовых войск.

Багратион созвал военный совет.

В это время (3 ноября 1805 года) Мюрат, узнав, что перед ним находятся гусары Ностица, послал к нему своего офицера с сообщением, что между Францией и Австрией заключен сепаратный мир, в знак чего австрийцы беспрепятственно пропустили французов через Дунай в Вену.

Все это было ложью: просто под Веной Мюрат одурачил австрийцев и под их носом захватил мост и переправил войска через Дунай.

Ностиц, не принадлежавший к числу ни умных, ни храбрых командиров, поверил Мюрату и послал Багратиону донесение о своем отказе принимать дальнейшее участие в походе в виду заключенного мира между Австрией и Францией.

Багратион получил это донесение на военном совете. Очередное австрийское предательство вывело его из себя. Он выскочил из комнаты и потребовал лошадь. Багратион прискакал к Ностицу и стал его убеждать.

— Граф, это же неверно, несбыточно. Это военная хитрость!

Ностиц, которому не хотелось сражаться, тупо ответил:

— Мы заключили мир, и я воевать больше не могу.

Увидев, что бесполезно в чем-либо убеждать этого идиота и труса, Багратион приказал своим войскам готовиться к бою.

Мюрат между тем, узнав об уходе австрийцев, приблизился к Шенграбену. Багратион приказал своим егерям отойти от Шенграбена. Французы, заняв Шенграбен, начали преследование русских. Багратион ре-

шил принять бой, чтобы задержать французов и дать возможность уйти дальше Кутузову.

Положение отряда Багратиона перед массой преследующих его французских войск было столь тяжелым, что Кутузов доносил: «Истребление отряда князя Багратиона было неминуемо, как равно разбитие самой армии, потому что близость расстояния от аванпостов отнимала средство к скорой ретиреде, а изнурение солдат от форсированных маршей и биваков сделало их неспособными устоять даже в сражении».

Мюрат, подойдя вплотную к Багратиону и узнав через разведку, что близко находится Кутузов, решил послать наперерез отступавшему Кутузову корпуса Бернадота и Мортье, а с Багратионом сыграть такую же шутку, как и с Ностицем. Но перехитрить Багратиона оказалось труднее, чем Ностица. Багратион отправил французского парламентаря к Кутузову, который затянул переговоры, чтобы выиграть время.

Наполеон, когда узнал об этом, был взбешен и, сделав строгое внушение Мюрату («как можно вступать в переговоры с этой старой северной лисой», — говорил он о Кутузове), приказал атаковать русских.

Мюрат прислал к Багратиону офицера сообщить, что перемирие окончено. Вслед за этим начался артиллерийский обстрел русских частей.

Бой начался 4 ноября в 5 часов дня. Силы противников были далеко не равными.

У Багратиона было 8 тысяч против наступавших на него 40 тысяч французов. Багратион построил свой отряд в боевой порядок севернее деревни Шенграбен. Французские гренадеры Удино, построенные в две колонны, начали наступление на центр багратионова боевого порядка; дивизия Сюше — против правого фланга и дивизия Леграна — против левого. Дивизия Вандама была в резерве. Чтобы воспрепятствовать движению французов, русские артиллеристы зажгли гранатами Шенграбен. Французская конница бросилась на центр и фланги русских. Пехота заходила им в тыл. Неприятель «как громоносные тучи облегал нас со всех сторон», вспоминали потом очевидцы. Багратион поддерживал порядок и появлялся то в одном, то в другом полку, которым приходилось прокладывать себе дорогу грудью, чтобы выйти из охвата. Он не выпускал из своих рук управления боем. Наступившая тьма

и грохот артиллерии заглушали слова команды, и судьба боя находилась в руках самих солдат, которые дрались с редким мужеством, зная, что они спасают русскую армию.

Мужество русских войск победило. Багратион вышел из смертельного охвата и вывел из неприятельского окружения свои войска. На поле боя прибыл сам Наполеон. Видя бесполезность дальнейших усилий французов, он приказал прекратить бой. Багратион уходил, уводя с собою пленных французов: полковника, 2 офицеров, 50 солдат и знамя.

В то время как Багратион сдерживал напор французов, Кутузов отводил свою армию дальше к востоку. Без отдыха, по размытой дороге, увязая по колена в грязи, прибыла она в Прогорлиц. Здесь, благодаря прикрытию Багратиона, она получила возможность отдохнуть и привести себя в порядок. 6 ноября Багратион привел остатки своего отряда в Прогорлиц, где находилась армия Кутузова. Фельдмаршал обнял Багратиона и сказал:

— Ты жив — для меня довольно.

При дальнейшем отходе русских Багратион вновь оказался в арьергарде, прикрывая отступление Кутузова.

Армия подошла к Аустерлицу. Здесь по вине Александра I русские войска понесли поражение от Наполеона. Кутузов был против боя здесь, но его принудил к нему Александр. Сомнения Кутузова разделял и Багратион.

Когда ему прислали путанную и неясную диспозицию, составленную австрийцем Вейротером, Багратион сказал:

— Мы проиграем сражение!

Так оно и случилось. Когда Ланн стал обходить левый фланг русских, Багратион, избегая ненужных жертв, спокойно отвел свои войска к Аустерлицу.

Аустерлицкое поражение вызвало перемирие между русскими и французами. Но мир был непрочным. Наполеон наступал на Пруссию, и царское правительство решило оказать ей помощь. Немцы во время наступления Наполеона обнаружили необыкновенную трусость. «Победоносный марш великой армии через всю Пруссию сопровождался позорными капитуляциями сильных прусских отрядов, целым рядом постыдных, почти

без сопротивления, сдач крепостей перед незначительными французскими силами». Так пишет об этом современник (Назаров).

Поражение пруссаков вселило тревогу царскому правительству за собственные границы. В конце октября 1806 года русские войска перешли границу у Гродны. Театром военных действий служила Восточная Пруссия, где в Семилетнюю войну русские солдаты не раз обращали в бегство Фридриха II.

Главкомандующим русскими войсками был назначен престарелый Каменский, который о себе доносил Александру следующее: «...ничего не вижу; ездить верхом почти не могу... мест на ландкартах отыскивать совсем не могу, а земли не знаю... малейшую часть переписки, в шести бумагах состоящую... долго выдерживать не могу. Подписываю, не знаю что...»

После изнурительных осенних боев русская армия отступала к Прейсиш-Эйлау. Каменского сменил Беннигсен — интриган, карьерист и весьма посредственный военачальник.

Русская армия отступала тремя колоннами. Багратион командовал арьергардом, который он разделил на три отряда, приказав каждому прикрывать марш отступающей колонны.

Наполеон, узнав об отступлении, решил перерезать путь русской армии к России. Он приказал Сульту и Даву начать обход русских справа, Нею — слева, а Ожеро и коннице Мюрата вести преследование.

Начались тяжелые изнурительные бои с наседавшим неприятелем. Отряды Багратиона принимали на себя тяжелые удары противника, предоставляя возможность главным силам продолжать свой отступательный марш. Багратион доносил в главную квартиру: «Без замешательства, производя жестокий ружейный огонь, полки отбивали атаки конницы, ходили несколько раз в штыки и очистили себе путь».

Армия отступала, бросая по пути обозы...

Багратиону донесли, что необходимо эти обозы бросить.

Багратион возмутился:

— Для чего мы — арьергард? Для того, чтоб не дать неприятелю ни повозки, ни колеса.

И обозы были спасены.

Багратион отступал медленно. Изнуренные войска

делали частые привалы. «Нужно обладать русским здоровьем и терпением, — рассказывает участник этих маршей, — чтобы все это переносить... Бедный солдат ползет, как привидение, и, опираясь на своего соседа, засыпает на ходу... Все это отступление представляется мне скорее сном, чем действительностью. Наш солдат в этом отношении обладает таким терпением, которое превосходит всякую философию».

Русская армия терпела великие бедствия. «Что выносили тогда героин-солдаты русские, сражаясь за пределами отечества, за чуждые совершенно им интересы, — трудно выразить, и это тогда, когда офицеры и солдаты целыми месяцами не получали жалованья» («Русская старина», 1890, кн. 6, стр. 186). Больше всего донимал голод. «Недостатку хлеба были виною беспечность начальства и бессилие его прекратить злоупотребления, вкравшиеся в провиантское управление. Однажды на представление о голоде в армии Беннигсен ответил: «Надобно уметь терпеть. И за моим обедом подают только три блюда». Для покупки съестных припасов выдавали деньги, но за деньги нельзя было купить припасов там, где их не находилось. Хлеб редко доходил до авангарда Багратиона. Солдаты его пухли и умирали от голода» (Михайловский-Данилевский).

Багратион был бессилен помочь своим солдатам; его представления оставались без результата, и он все более озлоблялся против Беннигсена — бездарного и нечистого на руку немца.

Спокойствие Багратиона, его неторопливость и уверенность передавались солдатам.

24 января 1807 года, рано утром, французы настигли Багратиона. Это был тяжелый день для арьергарда. Французы яростно ломились вперед. Багратион, считавший вопросом чести для арьергарда «не отдать неприятелю ни повозки, ни колеса», отбивая отчаянные атаки и искусно маневрируя, привел отряд на ночлег лишь в 11 часов вечера, сделав в этот день с непрерывным боем 28 верст.

Главные силы русской армии подходили к Ландсбергу. Багратиону было приказано остановиться со своим арьергардом у этого города.

Наполеон, рассчитывая, что русская армия примет бой, приказал корпусам Сульта, Даву и Нея спешить

к Ландсбергу. Русские отступили к Прейсиш-Эйлау. Багратион прикрывал отступление. У Грюннефкенского леса он вынужден был принять бой. Неприятель был уже в трех верстах. Багратион выжидал, пока не окончится вытягивание главных сил русской армии. 26 января он занял позицию между озерами Тенкнитенским и Вашкетенским. В тылу его, в городке Эйлау, находился русский отряд Барклая де-Толли. На Багратиона обрушился Мюрат, к которому присоединились части корпусов Ожеро и Сульта. На поле сражения прибыл Наполеон и лично руководил действиями французских войск, наступавших на отряд Багратиона.

Упорное сражение завязалось на улицах города. Отряду Багратиона грозило здесь окружение и полное истребление. Однако Багратион успел вывести свои войска из Эйлау, не позволив Наполеону с его подавляющими силами себя разбить. Упорное сопротивление, оказанное отрядом Багратиона, дало возможность русской армии уйти от преждевременного втягивания в бой.

В ночь на 27 января французская и русская армии готовились к сражению у Прейсиш-Эйлау. Главнокомандующий русской армией Беннигсен поставил армию в такое положение, что она, представляя обильную жатву для артиллерийского огня, лишена была маневренности и обречена на пассивную оборону. На протяжении трех верст по фронту стояли 4½ дивизии¹ с большим отрядом конницы в резерве.

Багратиону, как младшему в чине, не дали командования отдельным отрядом. Он находился при Дохтурове.

Русский солдат показал в этом бою чудеса храбрости, хотя исход сражения был предопределен бездарным руководством Беннигсена. Солдаты чаще проявляли больше находчивости, чем офицеры. Характерный случай приводит военный историк Михайловский-Данилевский:

«При первых выстрелах Нева корпуса кто-то из наших офицеров воскликнул: — Мы обойдены! — Так что ж? — сказал стоявший там солдат. — Пробьемся».

¹ Дивизия имела тогда в среднем 10 600 штыков, 2 700 сабель и 54 полевых орудия.

В описании этой битвы мы находим следующие интересные подробности: «Ни в одной из виденных дотоле войн не действовали в зимнее время с таким ожесточением, как в описываемую нами эпоху. Русские и французы превозмогали морозы, глубокие снега, бездорожье. Только мрак январских ночей полагал конец кровопролитию. По прекращении битвы солдаты кидались на мерзлую землю для краткого отдыха и засыпали мертвым сном. Когда при мерцании зари надлежало подыматься с ночлега, трудно бывало разбудить усыпленных. В просонках глядели они как одурелые, а слабейшие, отойдя небольшое пространство от лагерного места, ложились на снег и опять засыпали».

После трехмесячного затишья, наступившего вслед за битвой у Прейсш-Эйлау, русская армия отступала от Лауденского ручья к Гайльсбергу.

Арберггард, которым командовал Багратион, выдерживал натиск французов. У ручья французы заставили принять бой. Положение русского арберггарда было опасным: он легко мог быть отрезан от армии. Багратион, пытаясь спасти положение, бросился в самую гущу боя. Картечью убило лошадь Багратиона. Мюрат наступал с фронта, флангу угрожал охватом Сульт. Багратион с пехотой отражал напор неприятеля. Кавалерия французов преследовала наших улан и была уже в тылу русской пехоты.

Во время боя от Беннигсена прибыл генерал Фок.

— Главнокомандующий, — передал он Багратиону, — приказал удержать позиции.

Багратион, измученный, с воспаленными глазами, измазанный у бивуачного костра, устало рассматривал щегольски одетого штабного генерала.

— Князь, что доложить главнокомандующему? — нетерпеливо спросил Фок.

— Войска изнурены и невозможно долее выдерживать неприятельские натиски, не подвергаясь быть вовсе отрезанным.

Фок надменно закричал Багратиону:

— Никогда не бывало, чтобы приказания главнокомандующего не были бы исполняемы!

Багратион вспыхнул и, схватив за руку Фока, потащил его в самую гущу огня.

— Я вам покажу, что такое выдерживать огонь неприятельский!

Пули и картечь свистали над головами двух генералов. Это стояние под огнем продолжалось недолго—Фок упал тяжело раненым.

В главной квартире не понимали опасностей, которые грозили арьергарду и относились беспечно к арьергардным боям, в которых русские полки истекали кровью.

Мюрат, подкреплённый корпусом Ланна, двигался вперед. Беннигсен снова допустил крупную ошибку и поставил армию под Фридландом тылом к реке. Он, кажется, сделал все, чтобы доставить Наполеону дешёвые лавры Фридландской победы.

Накануне сражения с колокольни Фридландской церкви русские увидели на дорогах, ведущих к городу, густые облака пыли—это двигались сильные колонны к Наполеону. Об этом донесли Беннигсену, но он не обратил на эти предостережения никакого внимания. Опытный Багратион, которого нельзя было упрекнуть в отсутствии отваги, начал убеждать об опасности предстоящего сражения.

— Мы будем разбиты.

Беннигсен равнодушно выслушал и молча отвернулся.

И когда уже началось наступление французов и опасность поражения стала очевидна, Беннигсен отдал приказ сниматься с позиций. Но уже было поздно. Беннигсен сделал все, чтобы подвергнуть русскую армию разгрому. Один из английских генералов, состоявший при главной квартире Беннигсена, так оценил поведение русских войск под Фридландом: «Они бы победили, если бы только мужество могло доставить победу... В полной мере заслуживали они похвалы и удивления каждого, кто видел Фридландское сражение».

Вскоре после этой битвы закончилась кампания 1807 года.

V

В войну 1812 года Багратион получил крупное назначение — командующим второй армией. Под его началом находились два пехотных и один кавалерийский корпус — всего около 50 тысяч человек и 180 орудий. Армия занимала фронт около 100 км, между Неманом и Бугом. Первой армией командовал Барклай де-Толли. Назначение двух командующих, независимых друг от друга, не объединенных общим руководством и с противоречивыми взглядами на ведение войны с Наполеоном, породило ненужную борьбу и раздор между двумя командующими. В этом была вина Александра — человека трусливого и неискреннего.

Когда войска Наполеона перешли русскую границу, у Багратиона было шесть дивизий, против которых неприятель направил одиннадцать. Русское командование ввиду большого численного перевеса войск Наполеона решило отвести свои войска для соединения всех армий. Багратиону был послан приказ отступить к Смоленску на соединение с Барклаем.

29 июня Багратион выступил из Волковыска по направлению к Минску. Наполеон двинул против Багратиона маршала Даву с 50 тысячами человек, которые направились также на Минск, но другим путем, чтобы обойти и отрезать путь отступления Багратиона. Кроме того, Наполеон приказал вестфальскому королю Жерому Бонапарту двинуть свои войска на Новогрудок для предупреждения возможного движения Багратиона туда.

Наполеон решил истребить армию Багратиона или заставить ее капитулировать. Положение багратионовских частей было очень опасным.

Ночью 1 июля Наполеон отправил Даву приказ: «Сегодня уже нет сомнения, что Багратион прошел из Брженца на Гродно, из Гродно прошел в шести лье от Вильны и направился на Свенцяны. Я организовал

три сильных колонны, для того чтобы его преследовать. Все три будут под вашим начальством».

Багратиона преследовали:

- 1) Даву с 50 тысячами войск;
- 2) Понятовский — 35 тысяч;
- 3) Жером Бонапарт — 16 тысяч;
- 4) Груши — 7 тысяч и
- 5) Латур-Нобур — 8 тысяч.

Багратион, узнав о появлении у него в тылу Жерома Бонапарта и что Минск занят Даву, отступал на Слуцк.

— Попали в клещи; надо вырываться, — говорил он.

У Багратиона было намерение открыть себе путь на Минск силою, но узнав о громадном численном перевесе противника, он изменил свое направление и пошел на Могилев искать соединения с Барклаем. Багратион сознавал чувство ответственности: здесь он рисковал не только армией, но и Россией. Итти на Минск, через леса и болота без продовольственных магазинов (баз снабжения) по дороге было безумием.

Багратион, искусно маневрируя, ушел из клещей Наполеона. Французские генералы, упустившие Багратиона, сваливали потом вину за это друг на друга.

Но Александр I был недоволен Багратионом; в письме к нему он упрекал его: «Направление ваше сперва на Вилейку, а потом на Минск было сделано в надежде, что, находясь столь часто в походах со славным нашим полководцем князем Суворовым-Италийским, вы предупредите неприятеля на сих важных пунктах... Но ныне следует помышлять о будущем, а не о прошедшем...»

Наполеону стало очевидно, что Багратион на этот раз ушел. Наполеон был в ярости от этого и приказал своему начальнику штаба Бертье передать главному виновнику неудачного окружения Багратиона своему брату Жерому: «Сообщите вестфальскому королю, что я крайне недоволен тем, что он не отдал все свои легкие войска князю Понятовскому для преследования Багратиона, чтобы тревожить его корпус и остановить его движение... Скажите ему, что невозможно маневрировать хуже, чем он это делал. Скажите ему, что все плоды моих маневров и прекраснейший случай, какой только представился на войне, потеряны вследствие этого странного забвения первых правил войны».

Багратион же в эти дни писал Ермолову: «Насилу выпутался из ада! Дураки меня выпустили, теперь иду к Могилеву; авось их в клещи поставлю».

Но Наполеон не думал выпускать Багратиона. Он приказал: «Нужно либо заставить Багратиона идти в Могилев, или отбросить его в Пинские болота. И в этом и в другом случае французские части могут войти в Витебск раньше Багратиона, и Багратион окажется отрезанным».

И на этот раз привести свой замысел в исполнение помешал Наполеону бездарный вестфальский король, которому он пренебрежительно написал: «Что вы не были осведомлены о том, сколько Багратион оставил на Волыни, что вы не знали, сколько дивизий при нем находится, что вы даже не стали его преследовать и что он мог совершить свое отступление так спокойно, как если бы никого позади не было,— все это— обратное тому, что повелевают военные правила».

Следя через разведку и шпионов за движением Багратиона, Наполеон строит свои предположения на расчете, что он, наткнувшись на войска Даву в Борисове, попытается перейти Днепр и идти на Смоленск. Все эти соображения Наполеон послал маршалу Даву.

Багратион находился в Несвиже, когда 10 июля, вечером, ему донесли, что Даву в Минске, а Жером движется из Новогрудка. Все это свидетельствовало о новом окружении, и Багратион поспешил уйти на Слуцк.

Багратион снова был в опасном положении.

Наполеон уже предвкушал окружение войск Багратиона:

— Они у меня в руках!

В Слуцке Багратион узнал, что Даву выслал кавалерию на Бобруйск и против его арьергарда, которым командовал Платов, ведут наступление большие силы французов. Багратион, ускользая от преследования, достиг Березины у Бобруйска и перешел реку Березина и направился к Днепру, чтобы перейти его у Могилева, но противник успел уже занять Могилев, и тогда Багратион отошел с боем, приказав дивизии Раевского задержать у Дашковки войска Даву.

Багратион вел войска к Смоленску. Искушающий зной изнурял солдат. Неприятель шел следом, и французские дивизии уже проходили Рудню.

«Я не имею ни сена, ни овса, ни хлеба, ни воды, ни

позиции», — писал Багратион Ермолову. В письме чувствуется недовольство Багратиона Барклаем, который в качестве главнокомандующего допускал врага вторгаться в глубь родины.

Багратион не может мириться с таким вторжением. Он требует боя с врагом. В письме к Аракчееву, зная, что письмо будет передано Александру, он пишет: «Я никак вместе с министром (Барклаем) не могу! Ради бога пошлите меня куда угодно, хотя полком командовать в Молдавию или на Кавказ, а здесь быть не могу; и вся главная квартира немцами наполнена так, что русскому жить невозможно и толку никакого нет».

Главная квартира действительно была засорена немцами, что вызывало большое недоверие всего русского народа к верховному командованию.

15 августа армии Багратиона и Барклая подошли к Смоленску. За 38 дней перед этим армия Багратиона прошла с боями 750 верст, сохранив порядок и не позволив противнику себя окружить. Багратион в Смоленске перешел в подчинение к Барклаю.

Несмотря на свою вражду к Барклаю, Багратион, хотя и был старшим в чине, беспрекословно подчинился Барклаю, показав этим пример дисциплинированности.

Явившись к Барклаю, Багратион доложил:

— Я к вам являюсь как к начальнику; теперь не время считаться старшинством службы. Россия в опасности... Мы должны думать только о спасении отечества и к этой цели направлять наши общие усилия...

Наполеон обходил Смоленск, направляясь к Дорогобужу. Туда же двинул свои войска Багратион, чтобы воспрепятствовать французам перерезать большую Московскую дорогу. Навстречу французам он направил дивизию принца Люксембургского. Но дивизия выступила с большим опозданием и поставила в тяжелое положение корпус Неверовского. Отряд Неверовского был разбит, и благодаря этому на следующий день, 16 августа, Наполеон подошел к Смоленску.

Смоленск после героического сражения под его стенами был оставлен. Багратион не может помириться с оставлением Смоленска и дальнейшим отступлением русской армии. В письме к Аракчееву он пишет, что

Барклай «генерал не то что плохой, но дрянной, а ему отдали судьбу всего нашего отечества». Он не понимал и не хотел понять стратегии Барклая; в этом сказалось отсутствие большого воинского кругозора у Багратиона. Багратион рассуждал как храбрый солдат, в то время как история показала нам Барклая, как опытного и дальновидного стратега. Прав был в этом случае Барклай, а не Багратион.

Корпус маршала Жюно, посланный Наполеоном с целью расстроить соединение русских армий, достиг села Преображенского, недалеко от переправы через Днепр. Жюно допустил большую ошибку, предоставив войскам отдых. Багратион следил за Жюно. Он задержал его у дер. Синявино, чем расстроил весь план Наполеона. Можно себе представить гнев последнего по адресу Жюно.

— Вы недостойны быть в армии Наполеона последним драгуном! — кричал на Жюно Наполеон.

На Жюно это так подействовало, что он вскоре сошел с ума.

Русские армии продолжали отступать. Подозрительность Багратиона переходила все границы: он уже подозревал Барклая в измене. Двоевластие в армии и вражде двух командующих был положен конец назначением главнокомандующим генерала Кутузова. У Бородина новым главнокомандующим решено было дать генеральное сражение Наполеону.

Армия Багратиона занимала левое крыло позиции — от батареи Раевского до Шевардина — два пехотных корпуса и один кавалерийский. Первый выстрел раздался на левом участке. 5 сентября, в 6 часов утра, на левом крыле начал атаку Даву. Вслед за Даву развернулся корпус Нея. Следом за Неем начал разворачиваться корпус Жюно. Главный удар Наполеон направлял на левое крыло русского боевого расположения.

6 сентября, основываясь на данной Кутузовым диспозиции, Багратион отдал приказ по армии, в котором требовалось нигде на открытых местах огней во время ночи для варения пищи не разводять, всем помещаться в оврагах и скрытых местах; войскам иметь заготовленного провианта, сухого или печеного, непременно на шесть дней; быть весьма осторожными на случай нападения неприятеля и иметь сильные ре-

зервы сколько можно ближе к своим укреплениям, как батарейным, так и полевым.

Ночью, с 6 на 7 сентября, войска Багратиона отдыхали на Бородинском поле. Сильный ветер проносился по бивуакам. Вдали в темноте мерцали огни наполеоновской армии.

В оперативном плане Наполеона главный удар наносился на багратионовы флеши. Против 29 тысяч солдат Багратиона Наполеон послал 7 пехотных и 8 кавалерийских дивизий — около 43 тысяч человек. Восемь раз шли французы на багратионовы флеши и откатывались, оставляя на подступах к ним груды окровавленных тел.

Французский генерал Пеле, участвовавший в атаках на флеши, рассказывает про одну из русских пехотных контратак:

«По мере того как подходили к багратионовым войскам подкрепления, они шли вперед с величайшей отвагой по трупам павших для овладения утраченными пунктами. Русские колонны на глазах наших двигались по команде своих начальников, как подвижные шанцы (укрепления), сверкающие сталью и пламенем. На открытой местности, поражаемой нашей картечью, атакуемые то конницей, то пехотой, они терпели огромный урон. Но эти храбрые воины, собравшись с последними силами, нападали на нас попрежнему».

Кутузов, который понимал, что на багратионовых флешах назревает критический момент сражения, послал туда подкрепления; когда они подошли, бой был в самом разгаре. «Более 400 орудий громили наше левое крыло; с нашей стороны число орудий на этом участке было доведено до 300. Наступила самая кровопролитная сцена великой драмы! На пространстве одной квадратной версты гремело 700 орудий; французы смело шли вперед, усыпая все поле трупами...» (Михневич.) «Пехота и артиллерия русская, — рассказывает участник сражения, — молча, остолбенев, но взводя курки и подняв фитили, выжидали приближения французов. Страшно идти на неприятеля, который не стреляет... но французы шли...»

Багратион, восхищенный отвагой неприятеля, крикнул наступающим французам:

— Bravo!

Встреченные огнем, французы все же ворвались в редут, и войска Нея и Даву уже хозяйничали в нем. — Вернуть реданты, — приказал Багратион.

Началась русская контратака. Ней вынужден был обратиться к Наполеону с просьбой о подкреплении и тот послал ему кавалерию Мюрата. Почернев от порохового дыма, Багратион вел одну атаку за другой. Неприятель уже переходил овраг у деревни Семеновской; его с трудом сдерживали русские артиллеристы. Храбрость их изумила противника. Венжурины в своих воспоминаниях пишет: «Русские пушкарки были верны своему долгу. Брали редуты, ложились на пушки и не отдавали их без себя. Часто, раненный в одну руку, канонир действовал другою».

Деревня Семеновская пылала. Ужасный грохот доносился с поля боя; оно было покрыто темным облаком порохового дыма, в котором беспрестанно сверкали красные огни взрывающихся гранат.

Началась восьмая атака противника на багратионовы флеши. Наполеон ввел в бой свежие резервы, и против 46 тысяч неприятельских солдат Багратион мог противопоставить только 18 тысяч бойцов.

Корпуса Жюно, Даву и Нея двинулись плотными рядами в атаку.

Это был самый замечательный момент боя. По словам участника в этом бою, Бутурлина: «700 огнедышащих жерл, на пространстве не более одной квадратной версты собранных, обстреливали во всех направлениях небольшую равнину, находящуюся впереди д. Семеновской, и изрыгали смерть в громады обороняющихся и нападающих. В сей страшный час многочисленные колонны неприятельской пехоты и кавалерии с твердостью двинулись на сию роковую равнину, на которую, казалось, ад изрыгал все ужасы свои. Тщетно надеялись россияне остановить нападающих, обратив на них жесточайший огонь. Неприятельские колонны, жестоко поражаемые картечью, стеснили ряды свои, убавлявшиеся от истребления, производимого в них пушечным и ружейным огнем россиян, и продолжали наступать с удивительным постоянством... Увеличение опасности только усугубляло жар и храбрость французских солдат, которые с бешенством бросились на флеши, попирая ногами трупы товарищей своих, предшествовавших им на пути славы.

Князь Багратион, видя, что неприятель выигрывает место, приказал войскам своим выступить ему навстречу. Вся линия колонн левого крыла россиян, двинувшись вперед скорым шагом, ударила в штыки на линию неприятельскую. Натиск был ужасен... воспоследовала ужасная сеча, в которой и с той и с другой стороны истощены были чудеса сверхъестественной храбрости.

Пешие, конные и артиллеристы обеих сторон, вместе перемешавшись, представляли страшное зрелище неправильной громады воинов, напирающих один на один с бешенством отчаяния. Резервы, кипящие храбростью, но удерживаемые дисциплиною, одни только соблюдали ряды свои и стояли неподвижно. Хотя неприятель был в превосходном числе, однако ж, россияне с выгодою держались, доколе несчастья, случайно приключившиеся, не переменили всего положения дел».

Багратион продолжал со своими полками атаки на неприятеля. Внезапно он упал с лошади. Стараясь скрыть свою рану, он попытался подняться, но попытка эта была безрезультатна. Рана была тяжелой, и героя-командира вынесли с поля боя.

Багратион лежал у Семеновского холма и воспаленными глазами, в которых уже угасало сознание, смотрел на окутанное дымом поле боя. Мысль о судьбе сражения всецело владела им, и он даже не замечал, как его раздевали, сбрасывали окровавленное платье, и только когда снимали сапог с левой ноги, он стиснул зубы, чтобы не стонать.

Обессиленный от потери крови, Багратион не мог сидеть. К нему подошел начальник штаба. Багратион, указывая рукой на поле боя, шопотом продиктовал ему свой последний приказ. От потери крови он побледнел и с трудом протянул начальнику штаба руку для последнего пожатия.

Превозмогая боль, борясь с угасающим сознанием, Багратион напряженно вслушивался в грохот боя и старался разгадать судьбу сражения.

— Как мои солдаты? — спросил он окружающих.

— Держатся стойко...

Краткое замешательство в войсках, узнавших о тяжелом ранении Багратиона, было быстро восстановлено храбрым Дохтуровым, который принял командо-

вание. Перед лицом наседавших французов, он приказал:

— Умирать всем, ни шагу назад!

Стоявшие близко солдаты переглянулись, поправили подсумки и ждали встречи с французами.

На Бородинском поле Наполеону так и не удалось сломить силы русской армии.

Багратиона вывезли с Бородинского поля в коляске. Перевозка ухудшила его положение. Он часто терял сознание и в бреду «носился перед своими дивизиями».

Багратиона привезли в имение Голицына. В болезни наступило некоторое улучшение. Багратион уже передвигался при помощи костылей. Он занялся разборкой документов и нашел одну важную бумагу, которую нужно было немедленно отправить Дохтурову. Багратион призвал вестового.

— Немедля, братец, поезжай в Москву.

Вестовой, который не знал, что от Багратиона скрывали оставление Москвы, ответил, что она занята французами. Багратион, забыв о боли вскочил, но тотчас же упал без сознания. Болезнь резко ухудшилась.

Несколько дней продолжалась агония Багратиона. Его лечили хинином и лимонным соком. 10 сентября врач предложил Багратиону ампутировать ногу. «Сие предложение повлекло гнев», — сказано в рапорте о его болезни. Отказавшись от операции, Багратион, по словам того же рапорта, дни и ночи проводил «при ужасной тоске». В 12 часов дня 12 сентября 1812 года Петр Иванович Багратион умер.

Редактор майор Подорожный
Техн. редактор Фрейдман
Корректоры Румянцева и Крель

Сдано в производство 25.8.38
Подписано к печати 19.9.38

Формат бумаги 84×108¹/₃₂
Объем 2,5 печ. л. 1,9 уч.-авт. л.
В бум. листе 132 350 знаков

Уполн. Главлита № Г-9817
Изд. № 476
Зак. № 3294

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината
Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3

Набрано в 1-й типографии Государственного военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул., Скворцова-Степанова, 3

Отпечатано с матриц во 2-ой тип. Государственного военного изд-ва НКО СССР
им. Клима Ворошилова
(Ленинград, ул. Герцена 1.)